

СЕРГЕЙ АРНО

Истории петербургской нечисти

16+

Сергей Арно

Мертвые сами знают отчего

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Арно С.

Мертвые сами знают отчего / С. Арно — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Повесть вошла в новую книгу автора "Восстание слов". Написанная в духе Николая Гоголя, полна фантазмагорий и петербургского романтизма. Ее бессмертные герои проходят через повествование, начиная с XVIII века, захватывают период революции, гражданской войны и оказываются в Петербурге наших дней в Доме писателя в образе литературных критиков. Автор мастерски передает ощущение времени, которое описывает. В этой повести он обращает внимание читателя на важную составляющую литературного процесса – критику.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Арно

Мертвые сами знают отчего

Глава 1

Большая охота

Разные слухи ходили о парке Декабристов. Раньше в этом районе Петербурга был остров со странным названием Голодай. Поговаривали, будто на месте парка располагалось городское кладбище для всякого сброда: висельников, утопленников, казненных разбойников, умерших от эпидемий горожан да и просто неопознанных, бесхозных мертвецов. Историки считают, что именно здесь захоронены и повешенные декабристы из общества «Сынов отечества», как они себя называли. Да и сам остров пользовался дурной славой места гиблого. Но в 1958 году канал засыпали и остров Голодай соединился с Васильевским островом. Кладбище срыли, кости захороненных увезли неизвестно куда, а на его месте выстроили дома. Нетронутым остался только кусочек кладбища, на котором и разбили парк культуры и отдыха Декабристов и даже воздвигли мемориал их незабвенному подвигу, а точнее говоря, неудавшейся попытке государственного переворота. Именно здесь, на бывшей территории кладбища, и случилось странное происшествие, которое участник тех событий – экстрасенс с двадцатилетним стажем Валерий Петрович Кабанбок – будет с ужасом вспоминать всю свою жизнь, особенно в те ночи, когда на небе восходит полная луна... и всю жизнь не сможет простить себя за трусость.

Стояла летняя ночь, когда белые петербургские ночи уже закончились, но не наступало еще полной темноты.

Из такси на Уральской улице возле входа в парк Декабристов высадились двое. Молодой человек в синей спортивной куртке лет тридцати со встревоженным взглядом запавших глаз и щетиной на подбородке. По всему было видно, что его мучает бессонница: нервные движения выказывали крайнюю степень возбуждения, он постоянно почесывал то левое плечо, то правую ногу. На первый взгляд он производил впечатление человека не вполне адекватного. Его спутник – высокий мужчина лет пятидесяти – с усами, длинным носом, выдававшим в нем хитрость и бескомпромиссность характера, густыми неухоженными бровями, говорившими о его упрямстве и властном нраве, напротив, производил впечатление спокойного, уверенного в себе человека, относящегося к своему нервозному спутнику несколько свысока не только своего роста, но и положения.

Они выгрузили из багажника такси большую сумку и направились к входу в парк. Молодой человек с сумкой шел впереди, постоянно почесываясь свободной рукой и нетерпеливо оглядываясь на неспешного своего спутника, словно подгоняя его взглядом. Со стороны они выглядели так, как будто психиатр со своим пациентом совершают ночную прогулку.

Войдя в ворота, остановились. На небе светила полная луна, в ее свете деревья и кусты казались таинственными, призрачными – ненастоящими. Мужчина, похожий на психиатра, достал из внутреннего кармана небольшой предмет. Это был металлический прут с ручкой; такими пользуются искатели воды и экстрасенсы, почему-то называя их рамкой.

– Ну, куда? – не выдержал молодой человек с сумкой.

– Сейчас, настроюсь, – сказал его спутник, глядя перед собой.

Металлический прутик в его руке вдруг закрутился по часовой стрелке.

– Ну вот, кажется, контакт установлен.

Осторожно ступая, он пошел по дорожке парка, но, вдруг поменяв направление, вышел на газон. Молодой человек, нервно почесывая то ногу, то плечо, следовал за ним неотступно. Наконец металлический прутик остановился, указывая какую-то точку на земле.

– Здесь, – сказал экстрасенс. Еще раз покрутил прутиком: – Точно здесь.

Оживившийся молодой человек торопливо открыл сумку, достав из нее полуметровый заостренный на конце деревянный колышек и молоток. Приставил колышек острием к указанному на земле месту.

– Здесь? – переспросил он таинственным шепотом.

– Точно здесь. В полнолуние они ближе к поверхности поднимаются – достанешь.

Молодой человек с наслаждением вонзил кол в землю и ударил по нему молотком, потом еще раз и еще... Кольшек с легким хрустом входил в мягкую почву парка.

– Ну как? – Поднявшись с корточек, он посмотрел на своего товарища. – Глубже забить?

Тот пожал плечами.

– Я думаю, нормально, Виктор. Сейчас они почти на самой поверхности залегают, чтобы выбираться легче было.

Но молодого человека это не убедило, и он нанес еще два мощных удара – так, что от кольшка остался торчать только самый кончик.

– Очень глубоко не стоит, – сказал мужчина, в руке которого снова закрутился железный прутик. – Иначе работы будет не видно. Парк-то большой.

– Валерий Петрович, может, фонарик включить? – спросил молодой человек. – А то здесь совсем темно. Мы их светом не распугаем?

Валерий Петрович кивнул. Виктор зажег фонарь, освещая траву газона под ногами.

– Чувствую, тут их много, чуть ли не в два слоя лежат. – Валерий Петрович остановился возле куста отцветшей сирени. – Вот сюда стоит вбить.

Молодой человек забил кольшек, куда ему указали. При этом вздрагивающие губы его что-то шептали, и, если поднести к ним ухо, можно было (не без труда, правда) разобрать:

– Получай, гад, кровопийца... Получай!

Он забивал кольшки отчаянно, не жалея сил – наверняка.

– И здесь, рядом тоже не помешает... И вот здесь прячется...

Виктор забил несколько кольшков вокруг куста сирени. В это ночное время в парке никого не было, невдалеке только пробежала бездомная собака. Виктор посветил на нее фонарем, и та, испуганно блеснув глазами, бросилась в темные кусты.

Крутя металлический прутик, мужчины вышли на дорожку парка.

– И вот сюда, – указал Валерий Петрович под ноги. – Прямо под дорожкой залег, гад.

– Получай, сволочь!

Виктор, вонзив кол в то место, куда указал его спутник, отчаянно заколотил его, удовлетворенно потер руки, почесал плечо...

Они продвигались все дальше вглубь парка, после них из земли оставались торчать осиновые колы. Зашли в чащу кустов, здесь было совсем темно.

– А скажите, Валерий Петрович. – Молодой человек вдруг остановился. – Экстрасенс может определить, кто там захоронен? А то мы декабристов на колья понасаживаем – нехорошо как-то: я про их подвиги в школе проходил.

– Нет, это никак невозможно. Я чувствую поле мертвеца, а кто там лежит, не понять – только откапывать нужно, но это опасно... Хотя нет, постой-ка! Здесь, кажется, захоронен одноногий. – В темноте Валерий Петрович улыбнулся своей шутке.

Но Виктор шутки не разглядел.

– У декабристов вроде у всех ноги были. – Он со свойственным ему наслаждением забил осиновый кол в грудь одноногого.

Звук от ударов разносился далеко по парку, должно быть, достигал он и улицы, но в ночное время людей в этом районе немного. Та же самая большая бездомная собака пробежала мимо кустов, Виктор бросил в ее сторону луч света. Было в ней что-то странное. Валерий Петрович, отвлекшись от крутящейся рамочки, посмотрел в ее сторону.

– Это не собака, – сказал он вдруг.

– А кто? – спросил Виктор, почесывая ногу.

– Не знаю, – таинственным, встревоженным шепотом проговорил Валерий Петрович, продолжая глядеть в темноту, где пробежала собака. – Я думаю... я думаю, это старуха.

– Какая старуха? – почему-то вздрогнув и почесав плечо, спросил Виктор. – Как это собака может быть старухой?

– Давай-ка выбираться из этих кустов. – Валерий Петрович, всегда такой уравновешенный, сейчас, судя по голосу, был взволнован, даже рамочку крутить перестал.

Виктор подхватил сумку, они вышли из кустов сирени на дорожку парка и тут же оба остановились.

На дорожке стоял человек. У него не было правой ноги, и опирался он на костыль. Необычайно яркая полная луна светила ему в спину, поэтому разглядеть его было трудно – только силуэт. От неожиданности Виктор направил в его сторону свет фонаря. Инвалид был одет в шинель, как старый солдат, на голове – зимняя шапка с завязанными ушами.

– Уберите свет! – заслоня ладонью лицо, закричал одноногий.

Виктор выключил фонарь.

– Вы чего тут шараетесь? – грозно сказал он. – Непорядок!

Рамочка в руке Валерия Петровича, быстро закрутившись, вдруг остановилась, указывая на одноногого человека.

– А вам-то что? – с вызовом крикнул Виктор. – Инвалиды все спать ночью должны, а не прогуливаться по паркам!

– Я и не прогуливаюсь, а за порядком слежу, вот что. И если ночью подозрительные личности газоны топчут и колья осиновые в почву вбивают, я их арестовать должен и начальству кладбищенскому доложить.

– Как это вы с одной ногой нас догоните, да еще арестуете, хотел бы я посмотреть! А начальству своему докладывайте сколько угодно! – продолжал грубить Виктор. – Мы тут по парку гуляем, воздухом дышим, ничего противозаконного не совершаем. Может, мы осинки сажаем.

Валерий Петрович стоял молча, напряженно поглядывая то на одноногого, то на остановившуюся рамку в своей руке, словно пытаясь понять что-то.

– Непорядок! – продолжал отчитывать их инвалид. – Начальство заругает... Поликарп такого не потерпит. Он у нас за главного...

– Да что вы меня пугаете?! – не испытывая уважения ни к возрасту, ни к увечью инвалида, продолжал хамить Виктор. Он почесывал то плечо, то ногу, что выдавало высшую степень нервного напряжения. – У вас отсюда мертвецы по всему городу расползаются, жизни людям не дают! А вы их защищаете!

– Мы их не защищаем! – Одноногий даже подпрыгнул от возмущения.

Наклонившись к уху Виктора, экстрасенс негромко шепнул:

– Нужно уходить... нужно уходить отсюда. Слышишь?!..

Но Виктор не услышал или не понял – он был слишком возбужден перепалкой.

Из кустов на дорожку парка вдруг вышел невысокий человек.

– Непорядок здесь ночью гулять, – присоединился он к одноному, встав с ним рядом. В лунном свете, бьющем в спину, его тоже было не разглядеть, только очки поблескивали.

Снова зашуршало в кустах, захрустели ветки – кто-то там закричал, заворочался... Виктор в испуге метнул туда луч света – из кустов выходил человек в длинном кожаном плаще, какие носили в революцию красные командиры.

– Выключите свет! – закричал он, прикрывая лицо рукой.

– Выключите, выключите!.. Это какое-то безобразие... – загомонили одноногий и низкорослый.

Виктор выключил фонарь и почесал плечо.

– Вот и командир Николай Петров скажет, что нечего здесь ходить с осиновыми колами, – снова выступил инвалид.

Человек, которого он назвал командиром, вышел на лунную дорогу сада.

– Нельзя, товарищи, по саду ночами ходить. Поликарп узнает – не поздоровится.

– Да вам-то какое дело? – беспрестанно почесываясь, продолжал артачиться Виктор. – Вы-то чего тут повылезали, домой спать идите! У нас колья кончатся – мы тоже пойдем...

Во время всего разговора Валерий Петрович стоял, словно окаменев, словно потерял всякую возможность двигаться и говорить, только рамочка в руке его указывала на стоящих напротив людей – то на одного, то на другого, то на третьего... и он понимал, что это значит, но, почему-то лишившись дара речи, не мог выговорить.

Наконец он нашел в себе силы и, наклонившись к уху Виктора, придушенным от волнения и страха шепотом сказал:

– Нужно уходить... Это покойники...

С другой стороны в кустах слышался шум и треск веток – оттуда тоже кто-то продирался... ветви шевелились, слышался треск ветвей уже и с другой стороны, как будто множество народу, притаившегося в темных кустах, вдруг решило выбраться на лунную дорожку.

Виктор посмотрел на него, почесал ногу, плечо, потом снова ногу...

– Это покойники, – снова зашептал Валерий Петрович. – Рамка показывает: это покойники... Все они мертвы, давно мертвы...

Тем временем к ним присоединились еще трое. Возмущенно переговариваясь между собой и поминутно упоминая какого-то Поликарпа, компания медленно двинулась к Виктору и Валерию Петровичу.

А дальше произошло то, чего Валерий Петрович – экстрасенс с двадцатилетним стажем – не забудет никогда в жизни. Эта картина многие годы будет приходить к нему в тяжелых снах, особенно в дни полнолуния.

– Покойники?! Это и есть покойники?! Так вы, гады, мне и нужны! – вдруг вскричал Виктор, почесав плечо. – Я же за вами пришел!

Он наклонился, выхватил из сумки два осиновых кола и, взяв их наперевес, как копья, с воинственным криком бросился на покойников.

Покойники вдруг взвыли жуткими голосами и кинулись по лунной дорожке наутек. Впереди, обгоняя всех, мчался одноногий – опираясь на костыль, он делал гигантские скачки; на длинных ногах, как на ходулях, летел полковник в развевающемся плаще; маленький человек в очочках бежал вприпрыжку, напоминая своим ритмичным бегом какую-то музыкальную мелодию: раз, два, три, раз, два, три... Они неслись прочь, визжа от ужаса, а за ними, как индеец с осиновыми кольями, мчался Виктор.

Валерий Петрович, держа в руке крутящуюся рамочку, стоял, с ужасом глядя вслед удаляющейся компании. Потом повернулся и побежал в обратную сторону.

Глава 2

Сам знаешь отчего

В Петербурге стояла пора самого темного и холодного времени, когда рано смеркается, а днем солнце появляется редко. Резкий ветер дул с Невы, было холодно и промозгло, грязный снег лежал под ногами кашей.

Титулярный советник Григорий Иванович Зенкин, шедши со службы из департамента образования, остановился напротив Исаакиевского собора; глядя вверх, поднял руку ко лбу, намереваясь осенить себя крестным знаменем... Но не успел: под ноги ему откуда ни возьмись вдруг бросилась крохотная мерзкая старуха в капоре и с мешком за плечами. Григорий Иванович отступил, нога соскользнула с булыжника мостовой, и он чуть было не упал.

Титулярный советник, чертыхнувшись, огляделся, ища мерзкую старуху, но нигде ее не увидел. На другой стороне улицы, несмотря на мерзостную погоду, чинно прохаживался городской. Мимо, грохоча колесами по булыжной мостовой, проехала коляска, а невдалеке пробежала мокрая собака, чем-то, впрочем, похожая на старуху.

Григорий Иванович сплюнул по обыкновению через левое плечо трижды, хотел перекреститься, но почему-то не стал делать этого, а заспешил к дому. Жил он на Галерной улице в мебелированной комнате, из окна которой были видны краешек самого двора-колодца да кусочек неба, всегда, правда, пасмурного.

Перейдя Исаакиевскую площадь, он поворотил в сторону Невы. Тут повстречался ему слепой мужик, громко стучавший по поребрику палкой. А когда, дойдя до Галерной, свернул за угол, столкнулся с хромым стариком и чуть не уронил его на мостовую. Нехорошее что-то почудилось ему в этих встречах, и он на всякий случай снова сплюнул через левое плечо.

Служил Григорий Иванович самым ничтожным чиновником, получал жалованье небольшое и чина был незначительного, а в силу происхождения и не рассчитывал на большее. Как шутили товарищи, «вечный титулярный советник». Хотя к своим без малого сорока годам ему, как всякому благообразному гражданину, надлежало жениться и обзавестись семейством, но он этого делать не спешил, а, будучи человеком бережливым, предполагал поначалу скопить нужный капиталец, а уж после думать о семье. От этого все дни он проводил в воздержании и только в праздник мог позволить себе излишества.

Всю дорогу до дома странное беспокойство терзало его душу. Кутаясь в старенькую свою шинель, Григорий Иванович озирался, словно кто шел за ним следом... а как будто даже и шел, но когда он оглядывался, ловкий преследователь шмыгал в ближайшую подворотню или прятался за столб – так что разглядеть его не представлялось никакой возможности.

На подходе уже к самому дому вновь произошел странный случай. Из темной подворотни с лаем выскочила мокрая лохматая собака и бросилась под ноги Григорию Ивановичу. Он отступил и, поскользнувшись на мокром булыжнике мостовой, чуть было не упал... но это оказалась не собака, как ему почудилось поначалу, а крохотная старуха в капоре; собака, должно быть, лаем прогоняла ее со двора.

– Прости, батюшка! – воскликнула старуха, подняв лицо на Григория Ивановича. – Не гневайся, да и не бойся ничего. Ты живой, а мертвые сами знают, отчего мертвы.

Проговорив это, старуха посеменила в сторону Исаакиевской площади. Как будто это и была та самая старуха, что бросилась к нему под ноги в первый раз.

«Что за ерунда!» – в сердцах подумал Григорий Иванович.

Эта встреча совсем испортила ему настроение.

Дворник Поликарп в белом фартуке и фуражке стоял у освещенной фонарем подворотни и, задрав голову, смотрел в темное небо. Что он мог видеть там? Ничего там и не было, просто

хотел смотреть и смотрел. Когда Григорий Иванович проходил мимо Поликарпа, тот взглянул на него и, поклонившись, вдруг сказал:

– А на четвертом этаже в квартире прям, ваше благородие, жилец повесился.

– Что?! Какой жилец?! – вздрогнул Григорий Иванович. – Да ты снова пьян! Ты что, дурень, говоришь?!

Поликарп был нетороплив в речах и излагал с растяжкой, вспоминая и старательно проговаривая каждое слово, будто недавно выучился человеческому языку. Да и выглядел он не как обыкновенно: всегда румяный и довольный, вечно под хмельком, а сейчас – бледное лицо, на шее болтается какая-то тряпка...

– Сосед с вашего этажа, Афанасий Степанович Поприщев. Из участка городской уже приходил. Утром прям гроб привезут.

Григорий Иванович хорошо знал Афанасия Степановича – тихого, застенчивого учителя музыки лет пятидесяти.

– На Рождество, грех-то какой! Отчего же повесился? Водки, как ты, не пил.

Поликарп пожевал губами, словно во рту нащупывая языком нужные слова.

– Вы и сами знаете отчего.

– Что знаю? – Григорий Иванович пугливо оглянулся. – Что ты такое говоришь, дурья твоя башка?! Откуда же я могу знать?!..

Он бы плюнул и пошел себе прочь, чем разговаривать с глупым мужиком, но что-то останавливало его.

Поликарп поглядел на небо, словно ища там поддержки, неторопливо почесал затылок, сдвинув дворницкую фуражку на лоб.

– Тык прям сам Афанасий Степанович и сказал.

– Кому? Кому сказал?!

– Тык... Мне и сказал. Подошел ко мне сегодня по полудню и говорит: «Я прям сейчас пойду повешусь, а ты, Поликарп, передай Григорию Ивановичу, что он знает почему...».

– Что за чушь! – Григорий Иванович зябко повел плечами. – Откуда же я...

– Не могу знать, ваше благородие, а только так сказал. А еще сказал, что мертвые сами знают, отчего мертвы.

И опять бросились в глаза титулярному советнику бледность лица Поликарпа и отстраненный какой-то взгляд.

Более ничего не сказав, Григорий Иванович прошел мимо дворника, направляясь к своей парадной. На душе у него было пакостно, как будто он и вправду знал, отчего повесился Афанасий Степанович, и, более того, даже чуть ли не сам подтолкнул его к этому действию.

Квартира располагалась на четвертом этаже.

В дверях он столкнулся с кухаркой. Она взвизгнула и отступила в прихожую, словно был это не Григорий Иванович, а оживший мертвец.

– Глупая баба! – в сердцах пробурчал Григорий Иванович и, повесив в прихожей шинель, зашел к себе в комнату.

Он зажег свечу на столе. В комнате все было как обычно, но что-то не так. Что именно, понять он никак не мог. На столе рядом со свечой стоял прибор для письма, лежала стопка бумаги. Григорий Иванович иногда брал работу на дом, когда не справлялся с ней в департаменте.

А еще была у Григория Ивановича престранная привычка: он любил крутить в руках посторонний и как бы вовсе не относящийся к нему предмет – маленькую костяную статуэтку в виде петушка. И хотя у птицы был отбит клюв, ценность для хозяина статуэтка не теряла. Григорий Иванович, сколько помнил себя, всегда забавлялся с этой статуэткой, за что товарищи по службе в департаменте постоянно над ним подсмеивались. И сейчас, покрутив петушка, он поставил его на стол.

Экономная жизнь приучила титулярного советника ложиться спать рано, чтобы не тратьте попусту свечу. И сегодня после ужина он хотел бы еще почитать книгу Николая Гоголя, которую выпросил на время у товарища своего в департаменте, и было, взяв уже книгу в руки, раскрыл, но, почему-то не прочтя ни строчки, отложил в сторону. На сердце у него было тревожно, в комнате зябко – печи в квартире топили плохо.

Григорий Иванович переоделся в ночную сорочку и, перекрестившись на висевший в углу образ, задул свечу и улегся в постель.

Сообщение о смерти соседа не то что потрясло его, но вызвало в душе странное угнетение. Лежа сейчас в постели в полной темноте, он вспоминал учителя музыки и его слова, переданные дворником. «Отчего же он так сказал? Откуда же я могу знать?..» Хотя Афанасий Степанович часто жаловался на своих учеников, потешавшихся над ним. Однажды проказники подсунули в ящик учительского стола живую мышшь, в другой раз незаметно подложили в его портфель, с которым он ходил на службу, дохлую кошку, обнаруженную им уже дома. А недавно они принесли в класс надгробную плиту, на которой стояли его фамилия, имя и надпись «От благодарных учеников». Тут было отчего повеситься. Да, это, пожалуй, он и имел в виду. Именно это, а иначе что?

Придя к такому выводу, Григорий Иванович удовлетворенно повернулся на бок, намереваясь заснуть. Но дурные мысли продолжали тревожить его. Будучи человеком суеверным, он представлял себе, что где-то по квартире бродит неуспокоенная душа учителя музыки и мается, и стонет...

Жутковато сделалось Григорию Ивановичу в ночной тишине. Он перевернулся на другой бок... как в дверь тихонько постучали. Григорий Иванович вздрогнул, насторожился. Поначалу он подумал, что стук ему причудился. Но через некоторое время постучали снова, уже громче. Сердце упало. Черт знает, чего ожидать в ночное время, особенно перед Рождеством, когда всякая нечисть вылезает из своих убежищ, пугая народ!

Он поднялся на локоть, во все глаза вглядываясь в темноту. Липкий ужас заполз под одеяло.

– Кто, кто там?.. – почему-то шепотом проговорил он.

Вместо ответа постучали снова.

«Наверное, кухарка. Вечно она стучится, когда человеку спать пора! Наверное, забыла чего-нибудь... или ерунду какую скажет...» – мысленно убеждал он себя, но не верил. Казалось ему, что все-таки не кухарка это никакая, а кое-кто пострашнее.

Подавляя поднимающийся в душе ужас, Григорий Иванович спустил голые ноги на пол, нащупав тапки, поднялся и, выставив вперед руки, в темноте подошел к двери.

– Кто еще там?! – сказал он нарочно громко и нарочно недовольным голосом, чтобы приободрить самого себя.

– Кухарка это – Евфросинья, – ваше благородие, – раздалось из-за двери.

От сердца отлегло.

– Ну что тебе? Я уже спать собираюсь, – сердито сказал он через дверь.

– Завтра праздник, так я завтрак раньше подам, а потом уж в церковь... – донесся из-за двери голос кухарки.

– Хорошо-хорошо...

Он повернулся к кровати и уже было сделал шаг, как в дверь снова постучали.

– Да что ж это такое! – раздраженно воскликнул Григорий Иванович. – Чего тебе еще?

В темноте он сделал два решительных шага, собираясь отчитать глупую бабу, шатающуюся по ночам и мешающую почивать господам. Нащупав щеколду, отодвинул ее, распахнул дверь... И тут же, вздрогнув, отступил в комнату. На пороге со свечой в руке стоял повесившийся учитель музыки. Рука его, державшая свечу, дрожала, поблескивали стекла очков, по

стенам прыгали кривые тени. Лицо Афанасия Степановича было мертвенно-бледным, губы шептали что-то.

Учитель музыки вдруг сделал шаг в комнату, Григорий Иванович охнул и, отступив, наткнулся на стол, пребольно ударившись об его угол. Боль несколько отрезвила его.

– Кто вы и откуда?! – воскликнул он, придав голосу решительность, не зная, что следует говорить в том случае, когда покойник ночью приходит к тебе в комнату.

– Вы ли это, Григорий Иванович? – таинственным шепотом проговорил Афанасий Степанович.

– А вы сами-то кто?! – визгливо почти прокричал титулярный советник. – И зачем вернулись с того света?!

Между тем в слабом свете свечи он пристально вглядывался в шею учителя музыки, стараясь увидеть на ней следы от веревки, чтобы уже в точности увериться, что к нему пришел повешенный. И не торчит ли у него зуб изо рта, какой появляется у висельника-вампира.

– Да отчего же с того света, милостивый государь, – тихо, вкрадчиво заговорил учитель музыки, маленькими шажочками приближаясь к Григорию Ивановичу, – ежели вы сами умерли? Я же вас не боюсь. Мы с вами приятельствовали, жили мирно. Отчего же вы мне вред должны причинить...

– Как умер?! Я жив! – вскрикнул Григорий Иванович.

«Господи! Да как же умер?! Неужто я умер?!» – пронеслась в голове шальная мысль, хотя он и знал, что жив. Но раз покойник так говорит, то он и сам уже начинал сомневаться.

– Да как же жив? – продолжал настаивать учитель музыки. – Дворник наш Поликарп уверил меня, что вы, милостивый государь, повесились. Я вот попрощаться зашел, а вы, я вижу, покой не обрели еще.

– Что за ерунда! – Григорий Иванович начинал о чем-то догадываться. – Это мне Поликарп, дурья его башка, сказал, что это вы повесились сегодня, и будто я знаю почему.

Он, все еще храня в душе страх, протянул руку к Афанасию Степановичу, чтобы потрогать его, но тот как-то ловко отпрянул, не позволив сделать этого.

– Мне он, шельмец, то же самое сказал, – признался учитель музыки.

Товарищи поговорили еще минут пять, уже со смехом рассуждая о выходе дворника, решив завтра поутру навестить к нему и проучить враля.

Спровадив гостя, Григорий Иванович лег спать в прекрасном расположении духа, несмотря на поднявшееся бурление и беспокойство в животе. И спал вполне прилично, а проснувшись по обыкновению рано, надел халат и выглянул в окно.

На дворе было еще темно. В Петербурге зимой рассветает часов только в десять, а то и в одиннадцатом, да и в том случае, если небо без облаков. А когда в Петербурге небо без облаков? Редко случается такое – никто даже не вспомнит, когда такое было.

Во дворе он увидел лошадь с телегой. Два мужика сгружали с нее какой-то большой ящик. Григорий Иванович, уже было отошедши от окна, отчего-то вернулся. Приглядевшись, он увидел, что не ящик это вовсе, а гроб – большой черный гроб. Он показался ему особенно большим, просто огромным.

«Афанасий Степанович-то совсем тщедушный. Зачем ему такой? – вдруг пронеслось в голове титулярного советника. – Велик будет... а дворник ведь точно сказал, что утром гроб привезут. Вот тебе и на! – Хотя в комнате было холодно, Григория Ивановича бросило в жар. – Что же это я ночью – с покойником разговаривал? А ведь как живой! Вот скажи мне кто, что Афанасий Степанович мертвец, – ни за что бы не поверил».

Ночное приключение сейчас, в утреннюю пору, было уже не так страшно. Расскажи он у себя в департаменте – пожалуй, на смех поднимут! Но как же он не смог отличить живого от мертвого? Или они умеют такой морок на человека навести, что глаза видеть перестают?

Григорий Иванович в возбуждении, беспрестанно вертя в пальцах костяную статуэтку, вышагивал по комнате взад-вперед. Так он проходил около часа.

В дверь постучали. Титулярный советник остановился, бросил взгляд во двор; за окном тьма сделалась уже не такой густой.

– Кто там? – спросил он, не двигаясь с места.

– Я, Афанасий Степанович, – донеслось из-за двери. – Мы с вами поутру намеревались пойти к дворнику.

Григорий Иванович открыл дверь и впустил учителя музыки.

– Да, пожалуй, пожалуй, – рассеянно проговорил он, а про себя подумал: «Странно все это – может, Поликарп объяснит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.